

МЕШ

Oplata pocztowa uiszczona ruczałtem.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЪ:

Борьба за реформу конституции во Франції. — Событія в Испаніи. — Хорватскіе террористы — Хозяйственный кризис в Германіи — Выступленіе маршала Петэна.
Акрсполь и Домик в Коломнѣ. Д. ФИЛОСОФОВ.
Доктор Паскаль. А. АМФИТЕАТРОВ.
Внѣдреніе культуры В. ЕВГЕНЬЕВ.
Лига Свободы. Письмо из Америки, С. Б.
Стихотворенія. Т. РАТГАУЗ, А. ДЕВЕЛЬ.
На „Дядѣ Ванѣ“. По поводу постановки Русской Драматической Студіи в Варшавѣ Л. Г.
Среди русских в Варшавѣ.—Мѣстная жизнь. — Провинція.

ЦѢНА
10
ГРОШЕЙ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА

Редакція:

В. В. Бранд, Г. Г. Соколов.

Варшава, Воскресенье 4 ноября 1934 г.

№ 25

Адрес редакціи и конторы: **Warszawa, ul. Chocimska 35.**
Tel. 9.33-36. :::: Skrzynka pocztowa № 360. :::: Р.К.О. 28.638.
Цѣна отдѣльнаго номера **10** гр., за границей **4** ам. цента.
Подписная плата за 3 мѣс. **1** зл. **20** гр., за границ.—**50** ам. цент
Тариф об'явленій: в текстѣ 60 гр., за текст. 30 гр. за 1 милим. стр.

На „Дядь Вань“

(К постановкѣ Чехова в Русской Драматической Студіи)

Много разнѣ уже приходится слышать о «неактуальности» теперь Чехова: Чехов де «устарѣл», но писатель хорошій—прекрасно изображал мертвый бытъ періода реакціи, лишнних людей, но для нас это все анахронизмы.

Жизнь так суетлива и безпощадна, что, как это ни стыдно, некогда было остановиться внимательно на Чеховѣ, пересмотрѣть его книги новыми глазами, видѣвшими за послѣдніе годы больше, чѣм может вмѣстить в себя человек. Поэтому, собравшись на „Дядю Ваню“, я втайнѣ радовался, что внимательная устремленность зрительнаго зала даст, наконец, возможность сосредоточиться на Чеховѣ... И вот, скрытая гордость: „Чехов—анахронизм“ мнѣ показалась преждевременной. Когда я жил на Волыни, мнѣ приходилось гостить в имѣньях или только проходить через имѣнья русских помѣщиков, переживших на своей землѣ всѣ войны и революціи. Мір за это время успѣлъ дважды погибнуть и воскреснуть, а в этих тѣсных мірках до сих пор Исторія кажется невѣроятной? В одном таком домѣ я видѣлъ на столѣ в гостиной приложение к „Нивѣ“ за 1900 год, заложенное стариковскими стальными очками. Политическія новости, волнующія міръ, здѣсь так же как в чеховских разсказах можно слышать только из устъ чудаков, здѣсь так же пьют, переживают „роковыя“ страсти, и тоскуют по «настоящей» жизни. Конечно, эти оазисы допотопнаго міра еще не доказывают «актуальности» Чехова, но вся жизнь русских зарубежных колоніек, вся наша эмигрантская обывательщина развѣ живет «настоящею» жизнью?

Другое дѣло, если бы жизнь бѣдная вѣдшее была бы богата внутренними событіями—если бы в нашем сознаніи, наших душах что нибудь происходило. Хочется вѣрить, что да—происходит, и, мнѣ кажется, мы подсознательно и вѣрим, живем этой вѣрой—от нея и бездоказательное сужденіе об анахроничности Чехова. Но не потому ли Чехов

может быть и лучшим пробным камнем нашей жизнеспособности и нужности. В чем тайна «лишних людей» Чеховскаго міра? Не вѣчная ли неудовлетворенность своим обыденным днем, своею судьбою. «Лишность» явленіе субъективное. Только сознавъ, что мое маленькое мѣсто под солнцем и есть лучшее для меня мѣсто, мое скромное дѣло и есть мое единственное дѣло, человек становится „нужным“. Апологія этой мудрости собственной судьбы дана итальянским писателем Джіовани Папини в его романѣ „Конченный человек“. Папини вырос в значительной мѣрѣ под вліяніем литературы русской и весьма возможно, что его „Конченный человек“ был отвѣтом на вѣчную тоску лишняго человека, излюбленную писателями Россіи. Герой Папини, человек заурядный, который долго не может примириться с обычностью своей судьбы. Он мнит себя гением, великим изобрѣтателем, основателем новой религіи, пока пройдя житейскій искусъ не убѣждается в своей заурядности, становится „Конченным человеком“. С этого момента жизнь его дѣлается полезной и нужной. Пережили ли мы перелом «Конченнаго человека», стали ли мы дѣйствительно нужными, или все еще живем в чеховском призрачном мірѣ «лишних» иллюзій... вопросы, которые задает нам, теперешним, Чехов и мы не можем не отвѣтить на них, если хотим дѣла, движенія исторіи...

Когда Студія подготавливала постановку «Дяди Вани», говорилось о том, что Чехов теперь не нужен, скучен и никто на него не пойдет. Спектакли показали как раз обратное—зал был полон. Правда, Студію любят (это к тому же единственный русскій театр в Варшавѣ), постановка В. Васильева трогательно напоминает Художественный Театръ, но может быть главное еще не в этом... Чехов для нас все еще не только «хорошій писатель бывшей Россіи»

Л. Г.